

Аджаматов Б.А.

*Страницы истории
древнего Эндерея*

**ИМАМ
ТАШАВ-ХАДЖИ**

Багаутдин Аджаматов

Имам Ташав-хаджи

«Издательские решения»

Аджаматов Б.

Имам Ташав-хаджи / Б. Аджаматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511148-7

О некоторых страницах истории одного из древнейших поселений в Дагестане — кумыкского села Эндирей, и об одном из его славных сынов — предводителе освободительного движения народов Северо-восточного Кавказа в первой половине 19-го века, имаме Чечни (1834—1840 гг.), духовном наставнике мусульман Северного Кавказа, шейхе накшбандийского тариката, известном ученом — Ташав-хаджи Эндирейском. Некоторые материалы были опубликованы в других моих книгах.

ISBN 978-5-00-511148-7

© Аджаматов Б.
© Издательские решения

Содержание

ОТ АВТОРА	8
ИМАМ ТАШАВ – ХАДЖИ	10
ЭНДИРЕЙ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Имам Ташав-хаджи

Багаутдин Аджаматов

© Багаутдин Аджаматов, 2020

ISBN 978-5-0051-1148-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОСКВА – 2020

Представленная читателю книга повествует о некоторых страницах истории одного из древнейших поселений в Дагестане – кумыкского села Эндирей, и об одном из его славных сынов, выдающемся полководце – предводителе освободительного движения народов Северовосточного Кавказа в первой половине 19 века, имаме Чечни (1834—1840 гг.), духовном

наставнике мусульман Северного Кавказа, шейхе накшбандийского тариката, известном ученом – богослове, проповеднике, авторе многих религиозных трактатов и талантливым поэте – Ташав – хаджи Эндирейском.

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

*Воистину, угодники Аллаха не познают страха и не будут опечалены.
Священный Коран (10:62).*

Абдуллатипов А.-К.Ю. – профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой ДГУ, член-корр. Российской академии социальных наук.

Об исследовательском труде Багаутдина Аджаматова «Страницы истории древнего Эндирея. Имам Ташав-хаджи»

Настоящая книга посвящена одному из выдающихся деятелей Кавказской войны XIX века. Для полноценного освещения многогранной деятельности этой поистине героической личности автор привлёк труды своих предшественников: Ю. У. Дадаева «Наибы и мудиреы Шамиля», И. М. Ханмурзаева «Великий шейх Ташав-хаджи», А. С. Акбиева «Общественный строй кумыков», Н. А. Смирнова «Мюридизм на Кавказе», А.-К. Ю. Абдуллатипова и Л. А. Шабаевой «Средневековая литература кумыков», труды Г.М.-Р. Оразаева и других.

Особое чувство удовлетворения вызывает то обстоятельство, что довольно значительное внимание автор уделит кандидатскому исследованию, по настоящему героической женщины, А. Б. Закс «Ташав-хаджи – сподвижник Шамиля» (1946), так и не защищённой, несмотря на многие попытки, и по частям растасканной другими авторами. В книге использованы и архивные материалы. Б. Аджаматов считает, что Ташав-хаджи после Мансура и до имама Шамиля был наиболее авторитетным деятелем в Чечне, в числе признанных лидеров, который провёл самостоятельно более 50 боевых операций против царских войск.

В начале этого исследования автор предварительно делает экскурс в исторические события, связанные с Персидским походом Петра I, рассказывает о героическом сопротивлении эндирейцев его войскам, о герое этой борьбы Гебек-шейхе, о борьбе имама Мансура, Б. Таймиева, Умалат-бека Бойнакского, Идриса эфенди Эндирейского, Шангеря Муслимаульского, утамышцев. Пишет автор и о том, что Ташав-хаджи был руководителем восстания эндирейцев против царского самодержавия 1825 года. Здесь же речь идёт о кровавых событиях в Герзеле и об Очар-хаджи, убившем двух царских генералов, в результате чего «левый фланг царских войск» остался без командования. Отмечает те факты, что Ташав-хаджи учился у Мухаммада Яраги, что от учителя получил иджазу, позволяющую самостоятельно вести духовную деятельность, а также что он совершил хадж.

Особое внимание автор уделит тому, что Ташав-хаджи дважды был в числе претендентов на должность имама Дагестана и Чечни, а в 1834 году был избран имамом Чечни и имел союзнические отношения с Шамилём, помогая ему во всём. Б. Аджаматов уделит серьёзное внимание деятельности Ташаву – хаджи, как к творческой личности, автору многочисленных пламенных воззваний, обращённых к горцам, и талантливых стихотворений на кумыкском и арабском языках, в которых критикует современное общество, охваченное мирскими соблазнами.

Автор также пишет, что его поэтические произведения были известны в Дагестане, Чечне, Турции, Иордании, Сирии. Здесь же представлены некоторые произведения Ташава-хаджи на кумыкском языке с частичным их анализом. Было бы хорошо, если бы в будущем было изучено арабоязычное творчество поэта, хотя бы по сборнику, изданному Карачаевыми. В конце книги представлена хронология событий с 1825 по 1846 г., в которых активное участие принимал Ташав-хаджи. Книга Б. Аджаматова оснащена многочисленными фотографиями зияратов, гробниц, могил святых, шейхов, знамени, сабли Ташава-хаджи, медалей, видов селений Эндирей и Саясан.

С болью в душе он констатирует, что в Дагестане имя Ташава-хаджи почти забыто, в то время как в Чечне много делается для увековечения его имени: прекрасно оформлен его зиярат в Саясане на его могиле, возведена красивая мечеть его имени в Гудермесе. Даже некоторые автобусные остановки названы именем Ташава – хаджи. Но эндиреевцы не забывают своего героя, чтят его имя, хранят мечеть, где он служил имамом, а его дом превращён в медресе. В честь Ташава-хаджи возведён великолепный мемориал в селении Эндирей. Поэты посвящают свои произведения его светлой героической памяти. Книга Б. Аджаматова станет настольной для всех, кто любит свой край, почитает его героев, поскольку в ней освещены многие забытые страницы нашей истории, которые мы обязаны знать и передавать молодежи.

ОТ АВТОРА

Представленная читателю книга повествует об одном из славных сынов Кавказа, выдающемся полководце – предводителе освободительного движения горцев в первой половине **19 века**, видном государственном и политическом деятеле имамата, духовном наставнике мусульман Северного Кавказа, шейхе накшбандийского тариката, известном ученом-богослове, проповеднике, авторе многих религиозных трактатов и талантливом поэте – Ташав - хаджи Эндирейском. Ташав – хаджи был организатором вооруженного восстания против царской власти ещё до Газимухаммада.

Как отмечает известный дагестанский ученый Юсуп Дадаев в книге «Наибы и мудирьы Шамиля»: «Еще до избрания Газимухаммада первым имамом, Ташав-хаджи был одним из организаторов всеобщего восстания на раннем этапе национально-освободительной борьбы дагестанцев и чеченцев против колониальных войск под командованием Ермолова. В этом плане он был предшественником Газимухаммада, действовал вместе с ним и самостоятельно на территории равнинного Дагестана, Ауха, Ичкерии. Он был незаменимым помощником имама Газимухаммада и в деле идейного объединения дагестанцев и чеченцев, и пропаганды идей шариата, национально-освободительной борьбы. Газимухаммад относился к нему с особым уважением, считал его своим преемником...

После гибели Газимухаммада Ташав-хаджи был хранителем знамени священной войны, которое подарил ему первый имам. Его называли имамом, шейхом Чечни, предводителем кумыков и чеченцев» (Дадаев Ю. У. *Наибы и мудирьы Шамиля. Махачкала, 2009. С.457*). В 1834 году на всеобщем съезде чеченского народа в селении Майртуп Ташав-хаджи избирается имамом Чечни. Ташав-хаджи оказывал всемерную помощь и поддержку в вооруженной борьбе трём имамам: Гази-Мухаммаду, Гамзатбеку и Шамилю. Два раза его кандидатура выдвигалась при избрании имама Дагестана и Чечни.

При выборе третьего имама, согласно историческим документам, самыми серьезными соперниками были два кандидата: Шамиль и Ташав-хаджи. Вначале перевес был на стороне Ташава – хаджи. Весомым оказалось слово тарикатского шейха Джамалутдина Казикумукского, и имамом был избран Шамиль. Осознавая необходимость объединения Чечни и Дагестана в борьбе против колонизаторов, Ташав-хаджи признает верховенство Шамиля, но, как утверждают многие авторы, фактически Ташав-хаджи Эндирейский в Чечне был союзником Шамиля и независимым руководителем. В последующем он стал верным помощником Шамиля, участвовал во многих совместных походах.

О героизме Ташава-хаджи Эндирейского на полях сражений, о его нестигаемой воле и твердости духа, ходили легенды. Он посвятил свою жизнь без остатка служению Всевышнему Аллаху, борьбе за свободу родной земли. Это был великий воин и святой, могила которого стала местом паломничества мусульман со всех уголков нашей страны, а также из многих стран ближнего и дальнего зарубежья. К огромному сожалению и глубокому прискорбию, приходится отмечать тот факт, что в Дагестане до сегодняшнего дня в отношении столь выдающейся личности не были проведены мероприятия по увековечению его славного имени. Если не считать того, что в древнем кумыкском селении Эндирей – его родовом селе, установлен памятный мемориал. А в доме, где он родился и вырос, функционирует женское медресе.

Нужно отдать должное героическому чеченскому народу за то почитание, которое оказывается в Чечне в отношении Ташава-хаджи. Огромная благодарность руководству Чеченской республики и лично главе Чеченской республики Рамзану Кадырову за проведенный капитальный ремонт зиярата Ташава-хаджи, благоустройство территории, создание всех необходимых условий для паломников, посещающих зиярат, за построение в г. Гудермесе прекрасной Джума – мечети, которая носит имя Ташава-хаджи, и создание центра имени Ташава-хаджи

по подготовке хафизов в Беное. Говоря об исследовании жизни и деятельности Ташава-хаджи Эндирейском, необходимо отметить, что одной из первых к данной теме еще в годы ВОВ, обратилась отечественный учёный – историк А. Б. Закс.

Она опубликовала несколько работ, посвященных Ташаву – хаджи Эндирейскому. Тема ее кандидатской диссертации называлась «Ташев-хаджи – сподвижник Шамиля». В последующем к ее трудам обращались и ссылались на них многие российские учёные. Деятельность легендарного шейха и предводителя горцев отразили в своих трудах чеченские исследователи: А. Айдемиров в историческом романе «Долгие ночи» и «Хронологии истории Чечни», И. М. Сигаури «Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен», Саламу Дауев «Чечня: коварные таинства истории», Магомед Асхабов, Арби падаров «Мюриды свободы», Адильгерей Гаджиев – профессор, доктор исторических наук, Юсуп Дадаев – профессор, доктор исторических наук, автор целого ряда исследований, посвященных Кавказской войне, Абдулкадыр Абдулатипов – профессор, доктор филологических наук, Исмаил Ханмурзаев – автор ряда научных статей и научных публикаций, посвященных Ташаву-хаджи, Абдулнасыр Кадыров – историк, Юсуп Сайпудинов – автор книги «Бесстрашные львы равнины» и др. К личности Ташава – хаджи в своих произведениях обращались дагестанские поэты Абдулазим Магомедов и Салимахан Эсенболатова.

Хочу выразить искреннюю признательность, за предоставление ценных сведений о Ташаве – хаджи, братьям Магомедамину и Абдурагиму Магомедовым из п. Тарки, Магомеду Баширову – исследователю – краеведу, аспиранту КНИИ РАН г. Грозного (потомку Башир-шейха аль-Яхсави), Юсупу Джамалову – общественному деятелю, Эльдару Уразаеву – руководителю краеведческого общества «Анжи-Кала», Зарине Исрапиловой, Салавдину Хасавову – краеведу из с. Брагуны Гудермесского района ЧР, и другим.

В данной работе представлены краткие сведения об истории селения Эндирей, об участии эндиреевцев в борьбе за свободу и независимость под руководством великого полководца и государственного деятеля, организатора и руководителя борьбы народов Северо-восточного Кавказа за свободу и независимость (**конец 16 – начало 17 в.**), основателя Эндиреевского владения – шейха Султан-Мута Тарковского, о вооруженном выступлении эндиреевцев против царских войск при Персидском походе Петра-1, и активном участии в национально-освободительном движении под руководством шейха Мансура (Ушурма). У читателя должны быть определенные сведения об истории Эндирея, выходцем которого является Ташав-хаджи, о трагических и вместе с тем героических страницах его прошлого, о его славных сынах.

Прошлое – это наши корни. Не говоря о прошлом Эндирея, о современниках и соратниках героя, о той среде и атмосфере, в которой шло формирование личности, невозможно иметь объемное представление о человеке и о той эпохе, в которой происходили описываемые события. Историческая справедливость в отношении Ташава – хаджи должна восторжествовать. Ему должно быть отведено достойное место и в исторической литературе. Давно назрела необходимость проведения международной научно-практической конференции, посвященной Ташаву – хаджи Эндирейскому с приглашением ведущих отечественных ученых, а также гостей из ближнего и дальнего зарубежья.

Думаю, что в центре столицы Дагестана Махачкале должен быть установлен величественный мемориал Ташаву – хаджи – выдающемуся предводителю освободительного движения и духовному наставнику, внесшему огромный вклад в единение всех народов Северного Кавказа. Это будет данью уважения благодарных потомков к великому предку. Жизнь и деятельность этой поистине великой личности – достойный пример для подражания грядущим поколениям.

ИМАМ ТАШАВ – ХАДЖИ

«Объединение Дагестана и Чечни в освободительной войне было важнейшей предпосылкой для разработки широких военно – стратегических планов и для организации имамата. Именно поэтому шаги по объединению двух братских стран, предпринимаемые Шамилем и Ташевом-хаджи, особенно беспокоили Кавказское командование. Ташев – хаджи, участвуя со своим отрядом в походах Шамиля, рассматривал себя лишь союзником и пытался действовать в Чечне самостоятельно. Когда вся Чечня признала Шамиля (июль 1840 г.), имам закрепил свою победу разделением ее на наибства; Ташев-хаджи получил в управление горные районы, Аух и Ичкерия. Опираясь на Чечню, Шамиль вновь приступил к овладению Дагестаном. Ташев-хаджи – сподвижник Шамиля по существу руководил всей освободительной борьбой в Чечне с 1832 г. до 1841 г.».

А. Б. Закс. «Ташев-хаджи – сподвижник Шамиля». 1946 г.

«Ташав-хаджи – один из видных предводителей Дагестана и Чечни в борьбе против колониальной политики Российской империи в первой половине XIX века. В исторических документах на русском, арабском, кумыкском, чеченском, аварском и других языках его имя встречается как Ташав Гаджи, Ташау Хаджи, Хаджи Ташов, Ташав-Хаджи, Хаджиташау. Он родился в селении Эндирей в семье простого узденя-кумыка и чеченки, с детства проявил большие способности к учению. Он стал национальным героем всех народов Северо-Восточного Кавказа. ...Еще до избрания Газимухаммада первым имамом он был одним из организаторов всеобщего восстания на раннем этапе национально-освободительной борьбы дагестанцев и чеченцев против колониальных войск под командованием Ермолова.

В этом плане он был предшественником Газимухаммада, действовал вместе с ним и самостоятельно на территории Равнинного Дагестана, Ауха, Ичкерии. О нем говорили во всех уголках Дагестана и Чечни, его боялось царское командование... Он был не только активным помощником Газимухаммада, яростным приверженцем идей совместной национально-освободительной борьбы народов Дагестана, Чечни, всего Северного Кавказа, видным военачальником, но также вполне самостоятельным лидером, который пользовался огромным уважением у чеченцев, кумыков, аварцев и других народов Кавказа.

После гибели Газимухаммада он был хранителем знамени священной войны, которое подарил ему первый имам. Его называли имамом, шейхом Чечни, предводителем кумыков и чеченцев. Анализ архивных документов показывает, что Ташав-Хаджи в делах государства Имамат играл видную роль, находился в числе нескольких ближайших соратников Шамиля, без согласия которых имам не принимал решения по важнейшим проблемам войны и мира, государственного устройства».

Дадаев Ю. У. «Наибы и мудирь Шамиля».

«После шейха Мансура и до имама Шамиля Ташу-хаджи был, пожалуй, наиболее авторитетным деятелем в Чечне, умело сочетавшим в своем лице бразды баячи (народный вождь), лаза и даже, в определенной степени, имама. Как свидетельствуют источники, еще на всеобщем съезде чеченского народа, созванном Ташу-хаджи в 1834 году и прошедшем в селении Майртуп, он уже был избран лидером Чечни в качестве имама. Последователи суфийского братства Ташу-хаджи и по сей день называют своего устаза не иначе, как имам Ташу-хаджи.

Ташу-хаджи был единомышленником Шамиля в религиозных вопросах и опорой в ходе освободительной борьбы, но вместе с тем и оппонентом при решении политических и экономических проблем, не раз заставлявшим Шамиля корректировать некоторые непопулярные в народе мероприятия. Не оспаривая первенства Шамиля, Ташу-хаджи, однако, настойчиво сохранял свою независимую политическую позицию, и Шамиль был вынужден считаться с мнением шейха по ряду ключевых вопросов. Совместно с отрядами Ташу-хаджи войска

Шамиля сумели успешно противостоять наступательным операциям русских военных экспедиций в Дагестане и Чечне. Ташу-хаджи, вплоть до своей смерти в 1843 года, «ни сам не переходит, ни своим сторонникам не позволяет переходить дорогу имаму Шамилю», более того, любые попытки сравнить его с имамом он пресекает, ставя борьбу с российскими войсками на первый план. Будучи наибо́м одного из районов Чечни, фактически являлся ее имамом».

Магомед Асхабов, Арби Падаров. Мюриды свободы. Грозный, 2014.

«Освободительная борьба народов Дагестана и Чечни в 20-50-е годы XIX века выдвинула выдающихся государственных и политических деятелей, прославивших Дагестан. В докладной записке генерала Пулло о важнейших военных событиях в Дагестане и Чечне Ташав-хаджи стоит в одном ряду с тремя имамами – Гази-Мухаммадом, Гамзатбеком и Шамилем. ... Без его активного участия не происходило ни одно крупное событие в Дагестане. ... Несмотря на большие заслуги Ташава-хаджи в годы Кавказской войны, его имя редко упоминается в трудах историков».

Адилъ-Герей Гаджиев – профессор, доктор исторических наук.

«Ташав-хаджи был одним из выдающихся деятелей в истории Северо-Восточного Кавказа, одним из руководителей национально-освободительного движения и духовный лидер, государственный и политический деятель, талантливый поэт и обладающий глубокими знаниями ученый – богослов. Несмотря на выдающиеся заслуги в период Кавказской войны, о нем (в Дагестане) мало пишут даже тогда, когда отмечают круглые даты других крупнейших деятелей упомянутой войны. Предстоит большая работа по изучению жизни и многогранной деятельности Ташава – хаджи Эндирейского, который оставил своим потомкам уникальное духовное наследие. Пройдут годы, но не иссякнет безграничная любовь народа к святому – шейху Ташаву – хаджи. Он всегда будет примером беззаветного служения своей родине и Всевышнему Аллаху».

А.-К.Ю.Абдуллатипов – профессор, доктор филологических наук.

«С 1825 года по 1846 год великий шейх Ташав-хаджи ал-Индири был в числе признанных лидеров борьбы народов Северо-Восточного Кавказа с царским самодержавием, за которой с замиранием сердца следила вся прогрессивная общественность России и мира. Выбранный на съезде народа в Майртупе имамом Чечни, шейх Ташав-хаджи провел более 50 крупных военных операций против царских войск по Дагестану и Чечне. До последних дней своей жизни он не выпускал из рук оружие, не отходил от вооруженной борьбы за свободу родной земли и установление Божественных законов.

Благодаря своей отваге, несгибаемой воле и непримиримости с врагом, он сам стал символом – знаменем освободительного движения. Ташав-хаджи ал-Индири или Ташав-хаджи ал-Кумуки, как он подписывал свои произведения на кумыкском языке, оставил после себя большое количество рукописей, в основном религиозных трактатов и поэтических произведений, ныне хранящихся в частных архивах в Дагестане, Чечне, Турции, Иордании, Сирии».

Кадыров А. М. Некоторые факты из жизни великого шейха Ташава-хаджи ал-Индири.

«Ташав-хаджи из Эндирея в **начале 19 века** становится известным как военный предводитель восставших кумыков и чеченцев. В последующем становится имамом Чечни. Благодаря своей храбрости и полководческому таланту он становится популярным на всем Северном Кавказе. О его подвигах ходили легенды. Ташав-хаджи был соратником и сподвижником трех има́мов: Гази-Мухаммада, Гамзат-Бека и Шамиля. Два раза его кандидатура выдвигалась при избрании имама Чечни и Дагестана.

Он навеки связал неразрывными братскими узами кумыков и чеченцев, внес огромный вклад в дело объединения и укрепления дружеских отношений между всеми народами Северного Кавказа. Ташав-хаджи был одним из самых влиятельных шейхов накшбандийского тариката. Получил иджазу – право на духовное наставничество у Мухаммада Ярагского на огром-

ной территории от Кумыкской плоскости до Анапы. Ташав-хаджи из Эндирея – это великий устаз и эвлия, у которого и по сей день десятки тысяч мюридов в Чечне и других регионах».

Баширов М. С.-Э. Исследователь – краевед. Аспирант КНИИ РАН. Грозный.

«Ташав-хаджи Эндирейский – является одним из выдающихся сынов Кавказа. С большим, благоговейным трепетом говорят о нем, как о руководителе освободительного движения горцев и великом духовном наставнике мусульман Северного Кавказа, не только в Чечне и Дагестане, но и во многих странах мусульманского Востока. Особенно в Турции. Его целью было беззаветное служение Всевышнему Аллаху и установление законов шариата. Он был человеком всесторонне развитым.

Ташав Хаджи является автором многих религиозных трактатов и поэтических произведений. Интерес к его незаурядной личности с каждым днём растёт. Нужно отдать должное героическому чеченскому народу, храбро сражавшемуся под его знамёнами и за то почитание, которое ему оказывают в Чечне. Отдельная признательность руководству Чеченской Республики за проведение мероприятий по увековечению его славного имени. Давно назрела необходимость проведения международной научно-практической конференции, посвященной Ташав-хаджи Эндирейскому».

Cennet Akoğlu İstanbul Kumukları dernek başkanı.

«В истории освободительного движения горцев Северного Кавказа XIX в. немало белых пятен, среди которых – личность, жизненный путь и творческое наследие Ташева-хаджи, одного из руководителей этого движения на раннем этапе, сыгравшего в нем исключительную роль. Ташев-хаджи достигает значительных успехов в прохождении пути (тарика), и Мухаммад Ярагский назначает его наставником (муршидом). Он дает ему абсолютное право (изн мутлак) на обучение мюридов и распространение суфийского пути (тарика) вплоть до крепости Анапа».

И. И. Ханмурзаев. «Великий шейх Ташев-хаджи из Эндирея».

«Хочу выразить искреннюю признательность автору книг за освещение славных страниц нашей истории. Ташав-хаджи является выходцем из Эндирея. Здесь он родился и вырос. Получил всестороннее образование. Здесь начинал он свою деятельность как один из видных военачальников, руководителей национально-освободительного движения. Из Эндирея Ташавом-хаджи были направлены воззвания к джамаатам дагестанских сел с призывом к вооруженной борьбе против колониального гнета. Немало лучших сынов нашего села и близлежащих аулов погибли на полях сражений в борьбе за веру и свободу родной земли.

В последующем Ташав-хаджи перебрался в Чечню, где в основном проходила его бурная деятельность. Он скрепил кровными узами чеченцев и кумыков, приложил немало усилий для объединения и сплочения многих племен и народов Северного Кавказа. В Эндирее сохранена мечеть, где Ташав-хаджи работал муллой. В доме, где он жил, сегодня функционирует женское медресе. В селе установлен памятный мемориал Ташаву — хаджи. К нам приезжают часто гости из Чечни. И жители Эндирея совершают зиярат на могилу великого шейха в Саясан, посещают места, связанные с его деятельностью.

Связи между братскими народами продолжают крепнуть и развиваться. Самые теплые слова благодарности хочу сказать в адрес героического чеченского народа за то почитание, которое оказывается в отношении Ташава-хаджи и лично Главе Чеченской Республики Рамзану Кадырову. Считаю недопустимым пробелом и упущением тот факт, что в Дагестане на республиканском уровне не проводятся мероприятия по увековечению памяти такой великой личности, как Ташав-хаджи».

Ирази Абсаламов. Глава МО «Селение Эндирей».

«О времени, называемом в отечественной историографии Кавказской войной (19-й век), написано огромное количество литературы, проведены, связанные с ней масштабные мероприятия, сняты документальные и художественные фильмы. Но, если меня спросят, освещена ли она в достаточной мере? Я отвечаю – «нет!» Как можно ее считать в полной мере освещенной,

если остались в стороне такие выдающиеся деятели освободительного движения, как Ташав-хаджи, Башир-шейх аль-Яхсави, Идрис-эфенди Эндиреевский, Амалат-Бек, Шангерей Атланаульский, Умалат Костекский и другие. Это огромный пробел, который необходимо восполнить.

Говоря о Ташав-хаджи, необходимо отметить, что его имя овеяно легендами. Эта героическая личность достойна того, чтобы его жизнь и деятельность были отражены в исторической литературе, чтобы были проведены мероприятия на самом высоком уровне по увековечению его славного имени. Историческая справедливость должна восторжествовать. Издание данной книги – это определенный и довольно весомый вклад в данном направлении».

Эльдар Уразаев. Председатель краеведческого общества «Анжи-Кала».

ЭНДИРЕЙ

с. Эндирей

Окрестности с. Эндирей

Город Эндери несомненно существовал еще во времена хазарского владычества...

Магомедов Р. М. Профессор, доктор исторических наук.

Название современного аула Андреево, или Эндери, находящегося недалеко от г. Хасавюрта на реке Акташ, можно принять за единственный пока реальный остаток древней столицы (Хазарской империи) Семендера.

Артамонов. М.И. «История хазар», Л., 1962.

Еще в **конце 19 века** П. П. Надеждин писал о том, что «близ деревни Андреевой, где раскопками в недавнее время занимался г. Нарышкин, открыты в курганах следы древних становищ хазар...» (*Надеждин П. П. Кавказский край: природа и люди, 1895. С. 359*). «Среди поселений Прикаспия за пределами Сулакской долины особо выделяется и Андрейаульское (Эндиреевское – авт.) городище, остатки которого тянутся на 1,5 км. вдоль реки Акташ к северу от верхнечирюртовского», – пишет известный дагестанский ученый – историк профессор М.Г.Магомедов (*Магомедов М. Г. Древнее болгарское царство на Кавказе. Махачкала, 2005. С.33*).

Многие исследователи полагают, что именно на территории Эндирея, или в непосредственной близости от данного населенного пункта «находилась столица Хазарского Каганата – Семендер» (*Ахметова Ф. В. Надиров И. Межэтнические общности и взаимосвязи фольклора народов Поволжья и Урала. Казань: АН СССР, 1983. С. 135*). Валерий Кирюхин в своей работе приводит предание, согласно которому «Князь Святослав был в Эндери, который являлся в то время одним из центров Хазарского каганата» (*Кирюхин В. С. Отражение современной истории, этнических связей и национальных отношений в русском фольклоре на Северном Кавказе, а также на Дону, Прикаспии, Яике... М., 2000. С.196*).

На территории селения Эндирей, в 1 км к северу от села, на правом берегу реки Акташ, близ мельницы часто находят кости южного слона, жившего в начальную пору четвертичного периода. Кости этого животного здесь были обнаружены местными жителями при работах по проведению оросительного канала в 1922 г. (*Исаков М. И. Археологические памятники Даге-*

стана. *Махачкала: Дагкнигоиздат, 1966. С.40*). О происхождении топонима существует ряд весьма разноречивых мнений и предположений, согласно которым этот населенный пункт:

а) назван по имени беглого донского казачьего атамана из «ермаковых скопищ» Андрея, якобы основавшего новое село (по другим версиям – нашедшего на западных берегах Каспия опустевший каменный городок), в котором поселился самым первым и «в свое имя назвал» (*Шихсаидов А. Р., Оразаев Г. М.-Р., Айтберов Т. М. Дагестанские исторические сочинения... С. 205*).

С. Ш. Гаджиева считает попытку связать название селения Эндери с русским именем Андрей бездоказательной. Андреево, или Андреева деревня, как ее называют русские источники **16—18 вв.**, напротив, скорее всего искаженный топоним Эндери или Эндирей и не имеет никакого отношения к личному имени атамана Андрея, историческая достоверность которого не доказательна (*Шихалиев Д.-М. Указ. соч. С. 91*);

б) назван по имени одного из кумыкских князей Тарковского шамхальства – Эндери, который якобы был владельцем земли в этом месте (сообщение местного краеведа г. Яковчука (*Шихсаидов А. Р. Оразаев Г.-М. Р. Айтберов Т. М. Дагестанские исторические сочинения... С. 206*);

в) назван по имени правителя древнего дагестанского города Балха-Эндир или Эндирей (*Мухаммед Аваби Акташи. Дербенд-наме /Комм. Оразаева Г. М.-Р. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. С. 44*);

г) известный кавказовед А. п. Берже пишет, что «... Эндери, или лучше Индри есть кумыкское слово и значит: «место, где молотят хлеб» (*Берже А. П. Чечня и чеченцы. Грозный: Книга, 1991. С. 100*);

д) топоним «Эндери» берет начало от сочетания двух фарсидских слов: эн – ширина дару – ворота (*Атаев Б. Край равнинный Кумыкия. Махачкала, 1996. С. 123*);

е) назван по имени Индербая, человека из племени тюмен, который предал своих соплеменников, якобы помог гуенам уничтожить их. О том, что «история большого кумыкского селения Эндери насыщена событиями и уходит вглубь веков», (*Абрамзон С. М., Лавров Л. И. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Ленинград «Наука», 1978. С. 119*), и что на данной территории с древнейших времен жили кумыки, отмечено во многих источниках. Приведем лишь некоторые из них:

– «Кумыки в период арабских завоеваний в VIII веке образовали доминирующее большинство населения в регионе Каспия. В тот период бассейн реки Миджик уже назывался Кумыкистан. Кумыки – потомки хазар на Северном Кавказе».

Энциклопедия «Британика». 1988.

– «Кумыки с давних времен пользовались большим авторитетом среди горцев, и кумыкские каганы и шамхалы обыкновенно стояли во главе всех воинственных походов восточных горцев на Закавказский край. Находясь во время своих близких и отдалённых походов в частых сношениях с Азией и сливаясь на севере со славянскими и с туранскими племенами, предки кумыков – хазары, со входившими в состав их различными элементами Кавказа, естественно, были проводниками культуры из Азии в Европу и обратно...».

И. И. Пантюхов. О кумыках. Спб., 1895).

– «Можно предположить, что кумыки составляли крупное тюркское племя, ибо оно упоминается в истории (388 г.), наряду с такими крупными племенными образованиями, как гунны и тюмени».

Е. Х. Паркер «Тысяча лет татарам», Нью-Йорк, 1924.

– «Если взглянуть на историю до нашей эры, обнаружим среди народов Кавказа крупное племя кумыков».

Тарих-аль-Кафказ. (История Кавказа) Истамбул, 1912, С.254).

– «Кумыки жили на занимаемых ими теперь местах ещё во время процветания Хазарского каганата».

Н. Вамбери. «Тюркоязычные народы», Лейпциг, 1885.

– «Не вызывает сомнений, что кумыки, будучи близкими по языку к хазарам, в процессе длительной истории обогатили свой язык за счёт хазарского языка, сохранив своё этническое название „кумык“. По мнению некоторых исследователей истории хазар, кумыков следует считать предками хазар».

М. Г. Магомедов «Образование Хазарского кагана». М., 1983.

Русские историки **19 века** пишут о том, что «...кумыки, тарковцы, кабардинцы, лезгины и жители поселения Эндери не отставали от калмыков и их заяицких соседей, постоянно нападая на русские поволжские города».

Древняя и новая Россия, Том 1, Выпуски 1—4. СПб., 1877. С.86.

«Важно отметить, что ставка Тамерлана во время пребывания в Дагестане, находилась в Тарки и Эндирее, или точнее в местности «Темир олтургъан», «... предки кумыков бились не за своего верховного правителя Тохтамышша, они сражались за свою родину и за свою Свободу. И не их вина, что противник имел более обученное войско, лучшего полководца»;

Хасаров А. Тамерлан в Кумыкии. Махачкала, 2014. С. 17.

Имеется немало документальных свидетельств и преданий о героической борьбе кумыков и других братских народов Северо-Восточного Кавказа за независимость. Известный немецкий ученый Якоб Рейнегс, говоря об Эндирее, отмечает: «из всех Кавказских народов Андрие (Эндирей) за первейшее почитается, где каждый чужестранец и беглец находят себе защиту и прибежище, и для того стекается сюда отовсюду великое множество людей из разных народов» (*Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XII – XVIII вв. Махачкала, 2000. С. 253—254*). Татищев В. Н. пишет: «Зри о сем Андреева деревня (Эндирей). Они хотя во убранстве подобны горским... но в воинском поступке превосходят всех казаков, для которого их все горские владельцы почитают и с ними в согласии живут» (*Татищев В. Н. Избранные произведения. Ленинград: «Наука», 1979. С.248*).

Эндиреевские бии – князья, истребив войско, посланное для их покорения, писали: «Мы, (эндиреевцы) от отцов своих мужество имеем, и свои земли бережем и нам чуждо всякое унижительное подчинение». Царские наместники, давая им характеристику, отмечали: – «Сей народ, особенно князья, воинственно неустрашимы, способны переносить невероятные трудности и нужды, но при этом не падают духом, умеют управлять своим окружением, склонны к хищничеству и разбоям, ведут жизнь подвижную. При малейшей тревоге обороняются отчаянно, никогда не хотят быть невольниками и взять в плен их просто невозможно, ибо им предпочтительнее смерть, чем посрамить свой народ» (*Сайтудинов Ю. М. Бесстрашные львы равнины. Махачкала, 2016*).

Согласно сведениям «тарихи Эндирей», в Эндирее постоянно находилась тысяча всадников с повязанными на их коней кутасами, готовыми в любой момент выйти по тревоге (*Исмаилов А. Тарихи Эндирей// РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Д.579. Л.4*). Неоднократные попытки царского самодержавия в **конце 16 – начале 17 века** утвердиться силой оружия в Дагестане – окончились неудачей. В течение 45 лет, с 1560 г. по 1605 г. Россией был снаряжен целый ряд военных походов на Дагестан. Это был первый этап эпохи русско-кавказских войн.

Завершился он большой победой народов Дагестана и всего Северного Кавказа, которые проявляли в минуты нависшей опасности невиданную сплоченность и мужество, объединившись под руководством выдающегося полководца Султан-Мута. Султан-Мут был гениальным полководцем, талантливейшим организатором и государственным деятелем, человеком неимоверного мужества и силы духа. За короткое время он фактически создал независимое государство, относительно небольшое по размерам, но с которым считались главы таких великих держав как Московская Русь, Иран и Турция, и вели с ним официальную переписку.

Султан-Мут стал одним из тех, кто серьезно влиял на политику на всем Северном Кавказе. То Иран, то Московское государство пытались подавить сопротивление Султан-Мута. Но Султан-Мут оставался непокоренным. О нем заговорили как в странах Западной Европы, так и во многих странах востока. Даже поэтом – современником Султан-Мута из далекой Германии о нем слагаются стихи и поются песни (П. Флеминг) (*Гьамидов А. Гъайт къумугъум, тамурларынг теренде (кум. яз.). Махачкала, 1997. С. 52—86*). О его мужестве, уме и предпримчивости говорится во многих народных преданиях (*ЦГА РД Ф. 105. Оп. 5. Д. 4. Л. 38*).

Рассказы о его подвигах, становясь легендами, передаются из уст в уста. Для многих он становится символом мужества и непоколебимости. Адам Олеарий (1603—1671) – немецкий ученый-математик, астроном, географ, посетивший Дагестан в 1636 году, когда шамхалом в Дагестане был официально его (Султан-Мута) сын Айдемир, однако фактически правителем был Султан-Мут (*Акбиев А. С. Кумыки. Вторая половина XVII-первая половина XVIII века. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1998. С. 93*), писал: «они заявляют, что им нет дела ни до шаха персидского, ни до великого князя Московского «: они (дагестанцы) подвластны лишь одному Богу» (*Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. / Сост. Гаджиев В. Г. Махачкала: Дагкнигоиздат. 1992. С. 116*). Далее Адам олеарий пишет: «Ни персы, ни русские между владениями которых они расположены, не могут укротить их военной силой...» (*Там же. С. 115*).

Это же подтверждают восточные источники. Так, знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби, побывавший в те же годы в Дагестане и гостивший немало дней у «дагестанского падишаха» Султан-Мута, свидетельствует о независимом от Москвы и Персии его правлении. Он в частности пишет: «...бессмысленно тягаться и выйти победителем в борьбе с Дагестанским шахом (Султан-Мутом): ...они храбрые молодцы дающие отпор всем врагам» (*Эвлия Челеби. Книга путешествия... С. 107*).

Перу известного военного историка дореволюционной России, генерал-лейтенанту В. А. Потто принадлежит немало трудов, посвященных истории русской армии, отдельных ее частей (полков, дивизий), где наглядно демонстрируется сила и мощь русского оружия, рассказывается о таланте полководцев, о силе духа и стойкости русского солдата, благодаря которому российская империя стала занимать одну шестую часть земли. Немало места в его трудах отводится тематике, посвященной описанию событий происходивших на Северном Кавказе.

Говоря о славных страницах истории русской армии, благодаря которой царское самодержавие успешно расширяло границы свои за счет завоевания новых земель, В. А. Потто, как объективный исследователь не мог обойти стороной и противоположную сторону, которая вела (порой не безуспешно) справедливую освободительную борьбу, сражаясь за святую землю предков, защищала свои селения, жилища, семьи от чужеземных захватчиков. Кавказ был для России твердым орешком, о который ее военная машина не раз ломала себе зубы. Свободолюбивые и гордые народы Кавказа не раз поднимались на борьбу за свободу и независимость родной земли. Борьба эта рождала героев, которых воспевал народ и, которые становились символом непоколебимости и ярким примером для подражания новым поколениям.

Одним из таких героев является Султан-Мут, возглавивший в конце XVI – начале XVII в. борьбу народов Северо-восточного Кавказа за свободу и независимость. Многие российские историки, особенно дореволюционного периода, при всей своей тенденциозности подхода и предвзятости не могли обойти (как это с легкостью делают некоторые наши современные «историки») стороной такую выдающуюся личность как Султан-Мут. В. А. Потто в своем труде «Два века терского казачества (1577 – 1801 гг.) назвал Султан-Мута «выдающимся военначальником Дагестана» (*Потто В. А. Два века Терского казачества... С. 65*).

Согласно свидетельству многих отечественных и зарубежных авторов, победа Султан-Мута более, чем на сто лет, приостановила завоевательные походы на Дагестан. Приведем свидетельства лишь некоторых из них: «Царские войска были окружены и подвергнуты,

несмотря на отчаянное сопротивление, полному истреблению» (*Летопись о многих мятежах и о разорениях Московского государства от внутренних и внешних неприятелей. М., 1788. С. 70; Полное собрание русских летописей, т. XIV. СПб., 1910. С. 57—58*). «Единственный уцелевший из всех воевод, князь Кольцов-Массальский, сосланный в Терки, вследствие царской опалы, с трудом собрал остатки рассеянной рати и пробился на Терек. «Так окончился этот бедственный поход, на целые 118 лет изгладивший все следы пребывания русских в Дагестане» (*Потто В. А. Указ. соч. С. 65*).

С. А. Белокуров приводит сведения русского летописца, где говорится, что «Кумыцкие люди государевых воевод и ратных людей учили побивать и в полон имать». «Бывшу бою велику, яко имаясь за руки сечахуся. Ратные люди на том стаа, что ни единому человеку живу в руки не датися... Яко быти всем побиенным числом более 7000 кроме людей боярских» (*Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом... С.Х*). Е. Н. Кушева, говоря об этой битве, пишет: «в 1604 г. был предпринят новый большой поход под начальством Бутурлина и Плещеева... несмотря на крупные силы (в походе участвовали три полка) русские войска потерпели тяжелую неудачу... русские понесли большие потери – более 7 тысяч человек. Сунженский и Койсинский остроги были покинуты...» (*Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 19*). По наблюдениям Д.-М. Шихалиева, Султан-Мут был «первым и главным виновником изгнания русских гарнизонов» из кумыцких земель и по «справедливости мог приписывать себе всю славу такой победы» (*Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках / Сост. ред. комм. Гаджиевой С. Ш. Махачкала: Дагкигоиздат, 1993. С. 30*).

Под знаменем ислама Султан-Мут смог объединить и сплотить не только кумыков, но и многие другие разрозненные племена и народы Кавказа и поднять их на борьбу за независимость родного края (*Аджаматов Б. А. Шамхалы Тарковские. Султан-Мут – организатор и руководитель борьбы народов Северо-Восточного Кавказа за свободу и независимость (конец XVI- начало XVII вв.). Махачкала: Дагпресс, 1999. С. 51*).

«Душою борьбы с нами, борьбы не на жизнь, а на смерть, со своей фанатической ненавистью мусульманина к неверным стал... Султан-Мут», – пишет русский историк и публицист В. Потто (*Потто В. А. Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис, 1899. С. 11*). Султан-Мут усиленно вводит законоположения шариата. Он заставляет многих блюстителей местных обычаев признать верховенство божественных законов над местными (обычаи, адаты) (*Аджаматов Б. А. Указ. соч. С. 33*). Он понимает, что для того, чтобы создать сильное государство из многих разноплеменных народов, нужна нить, объединяющая эти народы. И нитью этой для Султан-Мута, несомненно, является ислам.

Под знаменем ислама ведет он народы Дагестана и всего Северо-восточного Кавказа на борьбу за свободу и независимость своей земли. Свято чтя Коран и сунну пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), Султан-Мут (согласно одному из народных преданий) заявляет: «только служение всевышнему Аллаху является высшей целью человека!» – и сам следует этому принципу всю свою жизнь. С именем Аллаха шли воины под водительством Султан-Мута в бой и побеждали врага. И побед этих на счету Султан-Мута было не мало.

Как утверждает тот же В. Потто, в 1594 году при отражении похода Хворостинина, горцев «вели муллы с поднятыми над головами свитками и с завыванием (пением – Б. А.) огненных стихов из Корана» (*Потто В. А. Кавказ до Петра. СПб., 1896. С. 4*), призывавших по существу к газавату, т.е. к священной войне за веру. Вот как описывает Эвлия Челеби свое прибытие во владения Султан-Мута (*Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. М. 1979. С. 104—110*):

«В начале месяца зилькаде 1076 г. вступил я в границы исламского Дагестанского падишахства... Слава Аллаху, мы вступили прямо в исламский край. Навстречу нам вышло десять тысяч вооруженных правоверных из числа дагестанских мусульманских воинов.

Дагестанский падишах шамхал-шах Султан-Махмуд (Мут) прислал подарки, яства, питания и хану было оказано такое уважение и почет и всевозможные почести, что все это не описать и пером. ...Этот край такой спокойный и безопасный, что и (замужняя) женщина, и юная возлюбленная, и солнцеликий мальчик-юноша со всеми рубинами, яхонтами, драгоценностями идет или из города в деревню, или из деревни в город через горы и долины в одиночестве, и никогда никто не осмелится подойти к замужней женщине, поднять голову и посмотреть на ее лицо. Все население страны мусульманское и исповедует веру Аллаха, и все они шафииты. Они никогда не едят запретной по шариату пищи и не надевают запретной по шариату одежды.

...Дворец Султан-Махмуда (Султан-Мута) не похож на дворцы прочих падишахов, ибо в нем отсутствуют роскошь и чрезмерное великолепие. Дагестанские мусульманские богословы не позволяют своим властителям предаваться роскоши, считая, что тщеславие пагубно. В то же время они осуществляют правосудие и стараются воспитывать их хорошими воинами, которые заботятся о своих подданных – немусульманах, но наставляют их бороться с врагами. Потому что в этой стране закон (а это – начертание Аллаха) находится в руках мусульманских богословов... В одежде у них совершенно отсутствует шелк, ибо они будучи мужами умеренными, шелка совсем не носят, следуя хадису: «того, кто наряжается в мире сем, да не оденут в мире вечном. В этом городе совершенно нет ни угнетения, ни клеветы, ни лжи и свидетельства изпод неволи. Беи и кадии здесь не берут взятки. На любой торговой площади, как только начинают читать азан, все на торгу покидают свои товары в том виде, как есть и толпами направляются в соборную мечеть совершать предписанную молитву».

Таким образом, приведенные выше свидетельства очевидца из известного исторического документа являются еще одним подтверждением того, что именно благодаря исламским ценностям, приоритет которых для Султан-Мута был превыше всего, и жизнь по закону (закон этот – начертание Аллаха) стало возможным то, что Султан-Мут смог одержать целый ряд блистательных побед на полях сражений, которые действительно являются поворотными в истории Дагестана и всего Кавказа, добиться больших успехов в развитии образования, просвещения, естественных наук, медицины, культуры и других сфер общественной жизни. При нем на короткий период произошло объединение кумыкских земель: улажены распри между бийликовскими и, прежде всего, прекратились междоусобицы между Эндиреевским владением и шамхальством (*Там же*).

С ростом могущества и силы Султан-Мута растет его влияние на Северном Кавказе. Благодаря Султан-Муту увеличивается ареал распространения ислама среди многих племен и народов Кавказа. Огромным уважением пользуется Султан-Мут среди народов Дагестана, Чечни, Кабарды, Карачая, Балкарии и т. д. По праву чеченцы называли великого Султан-Мута именем Ших-Мут, то есть шейхом, отмечая его высокий духовный уровень. Чеченский историк С. Умаров пишет об этом в статье «ислам и война» (*Умаров С. Ислам и война //Кавказ. Владикавказ, 1992, №1. С. 6*).

В энциклопедическом словаре «Ислам на территории бывшей Российской империи», также отмечается роль Султан-Мута в распространении ислама на территории Чечено-ингушетии. Там, в частности говорится: «Ислам в Чечено-ингушетии с самого начала приживался в форме суфизма, в значительной степени обращение в новую веру происходило под влиянием деятельности шейхов. Так, в 10-20-х годах в Ичкерии поселился шайх Мут (конец XVI – 40-е годы XVII в.)...» (*Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь/Сост. и ред. Прозоров С. М. Вып. I, Москва: «Восточная литература, 1998. С. 107*).

Далее, автор ошибочно полагает, что шайх Мут является сыном «Тарковского шамхала Султан-Мута», а не им самим (*Там же*). Пещера в Чечне, в которой уединялся шайх-Мут (Султан-Мут) признана чеченцами святым местом – Ших-Мут-Хьех. О том, что в XVI – XVII вв. в восточной части Чечни и плоскостных районах происходит утверждение ислама,

и о том, что новую религию распространяли дагестанские миссионеры, пишет М.Р.Гасанов (*Гасанов М. Р. История Дагестана с древности до конца XVIII века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1987. С. 115*).

Мусульманских миссионеров посылали к чеченцам и шамхалы Тарковские (*Акбиев А. С. Общественный строй кумыков в XVII – XVIII вв. Махачкала: «Новый день», 2000. С. 287*). В более поздний период селение Аксай становится центром мусульманского паломничества. Сюда стекаются вайнахские паломники, а отсюда в Чечню направляются кумыкские миссионеры (*Алироев И. Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994. С. 60—61*). Имеются сведения, что Султан-Мут принимал активное участие в распространении ислама в Кабарде.

Эвлия Челеби, описывая одну из крепостей Большой Кабарды, отмечает: «Комендант этой крепости – Маджар Мухаммед-ага ...Кадием же назначен Тухтар Хаджи-Али из кумыков. Вместе с ним (кадием) в этой крепости прочно обосновались 100 кумыкских молодых – джигитов. Все они мусульмане единобожцы толка Шафи. Кадий Тухтар у них определяет посты во все времена года... и вот вследствие того, что эти люди (кабардинцы – А.Б.) являются мусульманами, правоверными единобожцами, они стали истреблять всех своих свиней... Здесь были устроены: баня, соборная мечеть, квартальная мечеть и постоялый двор. Они стали читать книгу с азбуков «Элиф, бэ...». Таким образом, сей край сделался землей, достойной похвалы, присоединился к странам ислама» (*Умаров С. Ц., Цицкиева М. О. Ислам на Северном Кавказе в XVII в. (по сведениям турецкого путешественника Эвлия Челеби). //Из истории Ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992. С. 24*).

Как рассказывает известный дагестанский ученый-тюрколог Г. Оразаев, ссылаясь на многие источники, Эндирей был издревле известен своими мусульманскими учебными заведениями – медресе, в которых обучались муталимы не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа – Чечни, Ингушетии, Карачая, Адыгеи, а также Поволжья (Татарстан) и других регионов. Достаточно назвать известного кабардинского ученого и просветителя Шору Ногмова, знаменитого в Урало-Поволжье путешественника Тажеддина Ялчыгулова и других, судьба которых приводила их в знаменитый Эндирей. Сюда их притягивало то, что здесь преподавали крупные в свое время алимы, известные во всем Кавказе и не только. Фактически, благодаря Султан-Муту, Эндирей становится духовным центром мусульман Кавказа (*Аджаматов Б. А. Шамхалы Тарковские. Султан-Мут... С. 44*).

По данным дагестанского историка Абдулнасыра Кадырова, изучившего произведения Муслими «таварих и Булгария», в этой летописи сообщается, что авторитетный исламский богослов Саиддадин Тафгазани (1322—1389) учился в Дагестане в медресе Эндирея. Вместе с ним также учились Али Кошчи и Дауд Эфенди, которые упоминаются в отчетах тимуровских летописцев, как участники похода против Баязида. Кумыки сыграли большую роль в исламизации многих племен и народов Северного Кавказа. Имеются сведения о распространении кумыками и крымскими татарами ислама среди адыгов. Анна Зелькина в своей книге «исламизация чеченских тейпов» связывает распространение ислама среди чеченцев с кумыкскими миссионерами. Ковалевский отмечает видную роль кумыков в исламизации балкарцев: – «горские татары (балкарцы) становятся ревностными магометанами не без влияния кумыкских миссионеров, время от времени, высылаемых кумыкскими князьями».

В Эндирее учился самый известный проповедник ислама на Центральном Кавказе Исхак Абуков, окончательно утвердивший ислам в этом крае. Если горские муллы и эфенди заканчивали обучение в Эндирейском медресе, то это было вполне достаточной аттестацией о высоком уровне его подготовки в области арабистики и знания основ ислама. По инициативе Султан-Мута был организован «Маджлис ул-уламаъ» (Совет мусульманских богословов), который координировал все дела, связанные с организационными мероприятиями по религиозным

вопросам и по вопросам внешней и внутренней политики, экономики, подвластного ему государства.

Султан-Мут не совершал никаких шагов по всем государственным, религиозным и другим проблемам, без совета с созданным им же «Маджлисом». В 1637 году на помощь единоверцам – туркам, осажденным в Азове пришли, как отмечает Эвлия Челеби, отборные войска из Северного Кавказа «...кабартай, таустан и от правителя Дагестана шамхала Султан-Махмуда (Султан-Мута)...» (*Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 28*). Известный немецкий ученый Адам Олеарий, посетивший Султан-Мута в составе немецкого посольства, в качестве советника посла, вернувшись на родину, написал по итогам этой поездки научно-исследовательский труд под названием «описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», в котором пишет о том, что встретил Султан-Мута, когда тот находился «на пути в Мекку и Медину, к храму и гробнице Магометовой» (*Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XII-XVIII вв. Махачкала: Дагкиноиздат, 1992. С. 125*). Также А. Олеарий пишет, что Султан-Мут «старался жить свято» (*там же*), т.е. вел себя в строгом соответствии с нормами мусульманского права и этики, полностью подчинив себя служению всевышнему Аллаху.

Многие ученые отмечают, что крупным явлением в духовной жизни дагестанцев стало возрождение в конце XVI – начале XVII в. (именно в период жизни и деятельности Султан-Мута), средневековой арабоязычной культуры, которое И. Ю. Крачковский называет своеобразным ренессансом (возрождение) (*Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М., 1960, т. VI. С. 612*). «Дагестанские ученые того времени, – пишет и. Ю. Крачковский – владели всей полнотой общеарабского наследия...» (*Там же. С. 616*). В этот период появились труды по истории Дагестана.

В конце XVI или в самом начале XVII века Мухаммед Аваби Акташи из Эндирея создал известный исторический труд «Дербенд-наме» (*Гасанов М. Р. Указ. соч. С. 125*). Богатый материал, приводимый в «Дербенд-наме», дает основание заключить, что Мухаммед Аваби Акташи был крупным ученым, который не только владел восточными и местными языками, но и был знатоком истории (*Там же. С. 126*). Мухаммед Аваби Акташи, проживая в Эндирее, оказывал содействие в государственной и политической деятельности Султан-Мута, – считает Б. Атаев (*Атаев Б. Край равнинный Кумыкия. Махачкала, 1996. С. 129*).

Вполне можно допустить, что Мухаммед Аваби Акташи был одним из главных советников Султан-Мута. Благодаря выдающемуся полководцу, руководителю освободительного движения народов Северо – Восточного Кавказа за свободу и независимость – шейху Султан-Муту. Эндирей становится для всех обитателей данной территории главным городом-резиденцией правителя и быстро разрастается до размеров большого восточного города. «Эндирейское княжество, занимавшее часть земель Северного Дагестана и Чечни, к концу 30-х – началу 40-х годов XVII века играло значительную роль на политической арене Северного Кавказа...» – пишет чеченский историк Я. З. Ахмадов (*Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 86, 92, 93*).

«Эндирейское княжество к исследуемому периоду не только сохраняло политическую независимость, но и укрепляло свое влияние на Северном Кавказе. После битвы на реке Малка князя Малой Кабарды, ослабленные разгромом, оказались в союзнически-вассальных отношениях (т.е. – в подчинении) к Казаналипу (сыну Султан-Мута)» (*Там же. С. 92—93*).

Согласно мнению известного дагестанского историка, профессора М.-С. К. Умаханова – «Эндирейское владение в политической жизни Дагестана и Северного Кавказа в XVII веке играло все возрастающую роль». «Эндиреевцы в первой половине XVII века оказывали упорное сопротивление войскам иранских шахов, пытавшихся установить свое господство над Дагестаном и над другими народами Кавказа (*Алиев Б. Г., Умаханов М. С. К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX вв., Махачкала; ДНЦРАН, 1999. С. 187*). Как свидетельствуют исторические документы, после избрания сына Султан-Мута Айдемира шамхалом,

или как отмечают восточные источники, Эндирей в течение некоторого времени стал выполнять роль столицы – «главного города» шамхальства.

В Эндирее Султан-Мут принимает послов из разных стран и народов мира. Ведь в то время шамхальство тарковское было субъектом международной политики. Посещают Султан-Мута в Эндирее и заключают с ним торгово – экономические соглашения представители немецкого (Гольштинского) посольства, а также других стран мусульманского востока и европы. Одними из этнообразующих компонентов кумыков (в частности Засулакских) являются тюркские племена тюменов и гуенов, которые обитали на территории подвластной Эндирее. Гуены и тюмены, дали свое название двум кварталам этого селения: тюмень-аул и гуен-аул (Семенов Н. *Туземцы Северо-Восточного Кавказа*. СПб., 1895. С. 237).

Многочисленные народные предания гуенов, тюменов, ногайцев, кумыков, объясняя происхождение гуенов, называли их одними из самых древних жителей Северного Дагестана, считали их коренными жителями, выходцами из гор (ЦГА РД, ф. 105, оп. 1, д. 4, л. 2). Эти же сведения подтверждают и исследователи XIX в. н. Ф. Дубровин, объясняя происхождение гуенов, указывал связь гуенов и аула Гуни, что в Ичкерии (Дубровин Н. *История войны и владычества русских на Кавказе, т. I. Книга I*. СПб., 1871. С. 623). Н. Семенов называл гуенов «отпрысками народов гор», что свидетельствует о том, что кумыки в прошлом жили не только в предгорной и равнинной части Дагестана, но и в горах.

Данный факт подтверждает и тюркская топонимика ряда сел в нагорном Дагестане. Н. Семенов писал: «... некогда многочисленное племя гуенов имели своих представителей во многих селениях, плоскости и считали себя аборигенами страны (Семенов Н. *Указ. соч.* С. 237). «Они (гуены) не отличались от кумыков ни своей наружностью, ни языком, ни верою, ни обычаями» (Вейденбаум Е. Г. *Начало гуенской песни //СМ ОМ ПК. Вып. 17, 1893. С. 58*). Что говорит о том, что это был фактически один народ. Л. Лопатинский отмечал, что в гуенах некоторые видят остатки гуннов (ЦГА РД. Ф.105, оп. 5.д.4. л.60). Согласно имеющимся данным, в нижнем течении и у устья реки терек до Каспийского моря существовало тюменское княжество. (Заседателева Л. Б. *Терские казаки. М., 1974.С.190; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С.73, 76—79, 293, 369; Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией 16—17 вв. М., 1963. С.42,93, 192, 224, 230, 237, 245, 246*).

Согласно свидетельству А.К.Бакиханова и других авторов, до походов великого хромца Тимура на территории Салатавии жили кумыки. Он разорил их села и переселил жителей в низменные места (Бакиханов А. К. *Гюлистан – Ирам. Баку, 1926. С.64; Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе. – В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С.139*). «Согласно преданиям самих салатавцев, название Салатау происходит от имени некоего хана по имени Сала, который владел когда-то этими горами, отчего в последующем эти горы стали называться Сала-тау.

Полагают, что до переселения сюда аварцев, эти земли принадлежали кумыкам, которые впоследствии ушли на плоскость. Все названия местностей, гор, рек, даже современных сел кумыкские, что является подтверждением сказанного“ (Цитата по Ичалов Г. Х. *Особенности развития Салатавии 16—17 вв.// РФ ИИЭ ДНЦ РАН Ф.3.Он.1.Д.270*). Согласно утверждению профессора, доктора исторических наук Арсена Акбиева: „Значительная часть кумыков, ставших впоследствии известными как засулакские, проживала к концу XVI – началу XVII в. в Салатавии и на территории Чечни.

О проживании кумыков на землях Салатавии в течение длительного периода времени свидетельствует тюркская топонимика, сохранившаяся и по сей день. Практически все крупные селения Салатавии имеют тюркские названия, легко переводящиеся с кумыкского. Само же название местности «Салатавия», на наш взгляд, является производным от кумыкского «Саула тау», что в переводе означает «плодородная гора», или же «дойная гора», т. е.

благоприятная для скотоводства» (Акбиев А. С. *Кумыки. Вторая половина 17-первая половина 18 века. Махачкала, 1998. С.147*).

Известно, что на территории Салатавии располагались лучшие в Дагестане пастбища, которые вплоть до первой четверти XIX в. принадлежали кумыкским биям и сдавались в аренду горцам. К тому же, в документах XVIII в. содержатся сведения о том, что многие салатавские селения были подвластны эндириевским, аксаевским и костековским биям (Там же. С.148). Следует предположить, – пишет А. С. Акбиев – что Султан-Мут и его наследники проводили активную переселенческую политику.

Они переселяли кумыков, проживавших в это время в Салатавии и в Чечне, на плоскость, давая им земли за несение военной службы, а освобожденные земли, в частности, в Салатавии, предоставляли горским обществам, на определенных условиях, главным из которых также являлось несение военной службы эндириевским владельцам. В пользу этого факта – отмечает проф. А. С. Акбиев – свидетельствуют и сведения, сообщенные представителями черкеевского джамаата со слов поземельной комиссии во второй половине XIX в. в них отмечается, что «Чиркей был занят с дозволения андреевских беков, владельцев Салатавии, которые первоначально дали им в пользование 7 салатавских гор»» (*Происхождение жителей и о их правах пользования землей//РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1.Оп.1.Д.305 (6).Л.695—696*).

Мансуров Ш. М. в книге Салатавия пишет: «в изучаемое время в Салатавии существовала земельная собственность кумыкских сала-узденей Каплановых, Ачаковых, Хаджимуратовых, Аджиевых, Умаровых, Кандауровых и др. Они являлись потомками тех владельцев, которые жили на территории Салатавии до образования союза. Отдельные из них сумели сохранить за собой некоторые земли в Салатавии и получали за них арендную плату с жителей до 40-х годов XIX в. Об этом же свидетельствует письмо сала-узденей в 1862г., в котором они обратились в комиссию по разбору земельных прав с просьбами о восстановлении прежних прав на земли, принадлежавших их фамилиям в Салатавии» (*Мансуров Ш. М. Салатавия (социально-экономическая и политическая история в конце XVIII —первой половине XIX вв.). Махачкала, 1995. С. 73; Фотокопии документальных материалов из ЦГИАЛ. —Рук. Фонд ИИАЭ ДНЦ РАН, ф.6. оп. 2, д. 52. Л. 61; Движение горцев Северо —Восточного Кавказа в 20—50 гг. XIX в. Сборник документов. Махачкала, 1959. С. 688; ЦГА РД. Ф. 90, оп. 1, д. 2, л.40; ф. 105. Оп. 2. Д. 75, л. 1—2*).

Потомки Султан – Мута осыпали сала-узденей благодеяниями, дарили им земли, невольников, оружие. В русских источниках они именуется первостепенными узденями (*Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 5, оп. 1, д. 2151, Л. 32*). Являясь представителями высшего дворянского сословия, они защищали народ и думали о его благополучии. Они чувствовали всегда большую ответственность перед всевышним и перед своей совестью. Об этом сообщают предания и древние летописи.

Как писал Зайналабид Батырмурзаев, «...всякий народ познает себя народом, вглядываясь в свои предания» (*Галим Акаев. Равнина в огне. Махачкала. Издательство «Абусуния», 2013. С.18*). После смерти Султан-Мута эндириевским правителем стал его младший сын Казаналип. Как и его отец, он продолжал политику лавирования, стараясь сохранить самостоятельность своего владения. Казаналип, согласно источникам, располагал по тем временам большой военной силой в 20 000 человек и пользовался немалым влиянием среди дагестанских владельцев (*Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. ...С. 193*).

В августе 1653г., в грамоте царю Михаилу Федоровичу, Казаналип, перечисляя свои заслуги перед русским престолом, упоминает о следующем: – «Я ...учинил было под вашей царскою рукою... кумычан, кайтагов, казыкумыков, и тарковцев, и аваров, и мычигизов». Необходимо отметить, что политические и культурные связи кумыков с чеченцами имеют многовековую историю. В более ранний период, между ареалами расселения этих народов не существовало резко очерченных границ.

Кумыки и чеченцы жили чересполосно, причем нередко в совместных поселениях. Об этом свидетельствуют сведения из исторических источников, данные топонимики, лингвистики и фольклора, которые нашли отражение в трудах исследователей (*Акбиев А. С. Общественный строй кумыков. С. 279*). Как отмечает чеченский ученый С. Ц. Умаров, большинством долин, испещряющих всю ичкеррию и выходящих на Кумыкскую равнину, ичкеринцы и кумыки издавна владели сообща. Поэтому не только названия этих долин, но даже название самого региона – Ичкерия – является кумыкским и в переводе означает «внутренняя сторона» («ич» – внутренняя (ий), «ери, (кери)» – сторона), что в определенной степени указывает на то, что сами кумыки эту часть Чечни не отдаляли от своих собственных земель. А такие топонимы, как Шавхал-Берд (обрыв шамхала) Чанкха и Якши-Мохи (отселки селения Центрой – горного) и ряд других, свидетельствуют о том, что ичкеринцы и кумыки в определенный период вообще не знали территориальной обособленности друг от друга (*Умаров С. Ц. О политической и социально-экономической истории Чечни XVI-XVII вв. // Грозный, 1976. С. 193*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.